

ИЗ ИСТОРИИ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ В ТНР ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг.

И. В. Отрощенко

Аннотация: Статья посвящена антиправительственным выступлениям в тувинском обществе в первой половине 1930-х гг. Причинами для таких выступлений послужили коллективизация, конфискация имущества, лишение избирательных прав, высылка за пределы республики представителей определенных слоев населения, непосильные налоги, товарный голод, наступление на буддийское духовенство и шаманов, нарушение вековых традиций и т. д.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика, Западная Монголия, антиправительственные выступления, эмиграция.

Для антиправительственных выступлений в тувинском обществе в первой половине 1930-х гг. было достаточно оснований. Тут и коллективизация, и конфискация имущества, лишение избирательных прав, высылка за пределы республики представителей определенных слоев населения, и непосильные налоги, и товарный голод, наступление на буддийское духовенство (предложения провести полную национализацию имущества монастырей в Туве) и шаманов за исполнение обрядов, и оскорбление чувств верующих, и нарушение вековых традиций. Вот отрывки из письма, датированного 4 февраля 1930 г., которые иллюстрируют обстановку в ТНР накануне Хемчикского восстания 1930 г.: «...власти на местах, выполняя решения партии в ударном порядке, ходили по юртам и отбирали всяких богов, а когда им за это накрутили, то они стали богов снова разносить по юртам... В некоторых пунктах к русским явно враждебное отношения (Шагонар). Тут же должен Вам сообщить о какой то «семейственности» на монгольской границе. Монголы путешествуют без всяких разрешений в Туву за хлебом, а тувинцы в Монголию за табаком. Настроения среди колонистов аховые, страшно все обозлены, все советское кроют на

Отрощенко Иванна Витальевна - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Дальнего Востока Института востоковедения им. А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины, г. Киев.

чем только свет стоит» (Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 36, л. 1).

Второе Хемчикское восстание в истории Тувы началось в марте 1930 года¹. Представитель Коминтерна в Туве В. Богданов докладывал Москве 21 марта 1930 г. о начале восстания. Дескать, в Верхнеудинске (столице Бурят-Монголии) получили информацию о том, что повстанцы из Ойратии² и Бурятии (Окинского района) перешли в Туву, подняв там повстанческое движение. По неточным сведениям из Верхнеудинска, якобы, взят Джедан, центр Дзун-Хемчикского хошуна (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 37, л. 39). Тувинское правительство обратилось к СССР за помощью в борьбе с повстанцами. В конце марта 1930 г. Политбюро ВКП(б) вынесло решение: отряд в Туву не посылать, предоставив тувинскому правительству возможность подавить восстание собственными силами. Итак, часть тувинских сил была брошена в район Хемчика (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 36, л. 55).

Один из предводителей повстанцев Темурдун якобы имел предварительную договоренность с инициаторами повстанческого движения в Северо-Западной Монголии (Убсунурский аймак). Так или иначе, но тувинцы выступили первыми. 25 марта 1930 г. подняли восстание ламы монгольского монастыря Тугус-Буянту, что было воспринято как продолжение тувинского выступления. По словам монгольских повстанцев, тувинские мятежники неоднократно сообщали им о своих намерениях изменить существующую систему правления и призывали к согласованным действиям. 27 марта бывший захирагчи Батжаргал выехал в Туву с просьбой прислать 50–100 солдат, 500 винтовок. По словам начальника ГВО³ МНР Б.-О. Элдэв-Очира, положение было крайне напряженное. Тувинцы стали перекочевывать на монгольскую территорию. По их словам, они стремились объединиться с дербетами. На монгольскую территорию в районе р. Сакиль перешли 512 тувинцев, вместе с юртами и скотом. Якобы, 80 из них были вооружены. По другим данным, количество оружия, по крайней мере огнестрельного, было мизерным (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 41, л. 6). Похоже, что эта часть населения просто решила перекочевать в МНР. Тувинцы говорили, что они уже объединились с дербетами и организовывают общее управление. Власть повстанцы думали отдать Далай-хану — влиятельному когда-то западномонгольскому князю. Монгольские повстанцы вместе с представителями тувинцев организовали штаб в Тугус-Буянту, который вскоре арестовала монгольская сторона.

Большинство эмигрантов из Тувы передали на границе тувинскому отряду, который их преследовал. Еще 12 человек продолжали разыскивать монгольские отряды (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 37, л. 50). В конце-концов, 11-ти⁴ «мятежникам» удалось бежать за Алтай в Синьцзян, где также проживали этнические тувинцы.

Тувинские военные силы еще занимались ликвидацией Хемчикского восстания, когда возникли новые волнения уже среди русского населения Тувы. Они начались 26 апреля под лозунгом «Власть без коммунистов и без коллективизации» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 36, л. 55). В планы повстанцев входил, в частности, «порыв связи между СССР и г. Кызылом» (цит. по: Саая, Сат, 2006: 243). 28 апреля они вырезали 80 сажен телеграфного провода. 4 мая 1930 г. заместитель наркома иностранных дел Л. Карахан сообщает И. Сталину, что тувинское правительство в связи с последними событиями снова просит о немедленном введении советского военного отряда в Туву (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 36, л. 55). Советский полпред А. Старков также настаивал на этом, указывая на опасность для Кызыла, где имеющихся сил правительства и РСТК могло оказаться недостаточно. Карахан опасался, что «восстание русских кулаков», явившееся, несомненно, результатом перегибов в области коллективизации, может захватить и некоторую часть русских середняков. Не исключалась возможность смычки русских повстанцев с другими недовольными политикой партии и правительства в Туве, тем более что Хемчикское восстание тувинцев окончательно еще не ликвидировано. «Поскольку военная сила Тувправительства чрезвычайно незначительна (один дивизион) и занята ликвидацией восстания на Кемчуке, русским повстанцам сейчас фактически противопоставлены только маленькие отрядики из членов ВКП, пополненные некоторым количеством бывших партизан» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 36, л. 56). Учитывая это, Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) поддержал ходатайство тувинского правительства и Старкова относительно срочного направления в Туву кавалерийского отряда из Минусинского округа. Судя по всему, в мае 1930 г. второе Хемчикское восстание было окончательно подавлено.

По некоторым данным, в конце мая 1930 г. было арестовано около 139 повстанцев, из них 14 — расстреляны, 57 — высланы за пределы Тувы. Кроме того, семерых повстанцев расстреляли без суда и четверо погибли в перестрелке (История Тувы, 2007: 192). В ходе расследования предпосылок и обстоятельств восстания оказалось, что повстанцы и члены их семей

насчитывали 261 (или 270) человек, представлявших все слои тувинского общества, в частности членов партии и ревсомола — 39 лиц (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 41, л. 10). Из бывших правых руководителей непосредственное участие в восстании принимали экс-министр внутренних дел и бывший комиссар эскадрона, оба смещенные в 1928–1929 гг. Заподозренных в сочувствии к повстанцам, со временем отпущенных из-под ареста, было 24 человека. Всего к судебной ответственности привлекли 130 человек (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 37, л. 55). Но в это число не вошли идейные вожди восстания, которых не выявили.

Агитация повстанцев среди населения сводилась к тому, что Панчен-лама IX⁵ с миллионным войском занял Улан-Батор, а МНРП уже разбита (похожие слухи, не имеющие под собой никакого основания, распространялись во время подготовки и проведения восстания и в Западной Монголии). Революционная партия существует лишь в Кызыле, ее можно быстро ликвидировать. Повстанцы утверждали, что не только они подняли восстание, что они объединились с Монголией и Тибетом. По их словам, под конфискацию попадут все хозяйства — и бедняцкие, и зажиточные. Конфискованное имущество предназначается для обеспечения голодных русских, которые живут в городе. Цель конфискации — разорить тувинское население. Лучше свое имущество и скот раздать аратам, чем кормить голодных русских. Якобы, некоторые богачи уже начали раздавать беднякам шубы и скот (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 41, л. 11). Мятежники подчеркивали: в Туве хотят ликвидировать религию и насадить животную мораль. Лишенные избирательных прав будут убиты или высланы за границу. Всех участников Хемчикского восстания 1924 года и лиц, причастных к нему, а также всех шаманов и лам ждет неминуемая смерть. Сейчас же ламы проводят соответствующие религиозные службы за победу повстанцев.

Лозунги и обращения мятежников убедительно демонстрируют, что именно их подтолкнуло к выступлению. Повстанцы утверждали, что они восстановят старое правление, которое также воскресит религию. Один из организаторов восстания сообщил, дескать, они говорили, что, чем умирать после конфискации от голода, лучше общими силами восстать. В первых обращениях повстанцев есть неоднократные указания на то, что новые мероприятия партии и правительства неправильны и не отвечают «основному закону правительства». Имелись в виду налоги, отделение церкви от государства и антирелигиозная пропаганда (считалось, что это разрушает существующие религиозные традиции и мораль), коллективи-

зация аратских хозяйств, лишение избирательных прав отдельных слоев населения (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 41, л. 12). В одном из своих обращений к правительству повстанцы писали: ламы и князья уничтожаются, вышеупомянутые категории теряют избирательные права, попадают под конфискацию имущества и высылаются за границы республики. Якобы, о таких жестоких мероприятиях партии, которые планировалось провести в жизнь, им сообщили сами партийцы.

В одном из последних писем (после издания правительством и партией постановлений о борьбе с искривлениями партийной линии и власти на местах) повстанцы сообщили: «Те араты, которые прибыли с частями Красной Армии из Шеминского сомона, устраивают маленькие грабежи для личного обогащения... По служебным делам в Аянгаты прибыли несколько человек членов партии и учиняли безобразные явления (снимали с рук девиц кольца и насильно имели с ними половые связи). На такие безобразные вещи соответствующие организации совершенно не обращают внимания. Мы очень удивляемся. Почему мы и начали борьбу против вас. С вашей стороны были случаи, когда пугали бесправных женщин...» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 37, л. 56).

Так, очевидец тех событий, писатель Феликс Сегленмей указывает, что «одной из причин мятежа явилось попрание вековых традиций и обычаев народа. Повсеместно проводились собрания под лозунгом «Арын чазар» — «Долой стыд»... На них у женщин и девушек отрезали косы, отбирали украшения (серьги, кольца, чавага), заставляли принародно рассказывать о сексуальных подробностях их жизни» (цит. по: Кужугет, 2006: 183). Ф. Сегленмей также упоминал, что женатых мужчин и замужних женщин заставляли на собраниях называть по имени свекра и тестя, что было строго запрещено многовековой традицией и т.д. Он был свидетелем таких собраний в верховьях Хемчика. От стыда участники тех собраний (с обеих сторон) думали о самоубийстве; например, известно, что несколько человек, над которыми совершались эти действия, повесились, не выдержав позора (там же: 184).

Тувинские политики признавали, что ситуацию ухудшила обстановка предвыборной кампании. Вспышка восстания пришлась на день завершения выборов в низовые органы самоуправления. Выборы, сопровождаясь лишением избирательных прав (впервые зажиточных граждан и лам⁶), разъяснением вопросов конфискации, проведением кампании изъятия налогов, чрезвычайно накалили обстановку в худоне. Этому содейство-

вали и случаи антирелигиозной борьбы, объявление лишенных избирательных прав вне закона со стороны отдельных избиркомов. Тем же объясняли участие ревсомольцев и партийцев в восстании. Участие первых мотивировалось и запланированной чисткой в рядах союза (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 37, л. 56). Вдобавок, дескать, в этих районах было значительное влияние монгольских (дербетских) лам и князей. ЦК ТНРП обсудил все причины возникновения восстания и сделал выводы. Отсрочка конфискации, работа среди бедноты, исправление допущенных ошибок на местах, уточнение вопросов антирелигиозной борьбы и конфискации — все это должно было стать основными мероприятиями партии.

Тем не менее, и в 1931 году продолжалось раскрытие так называемых контрреволюционных групп почти во всех хошунах Тувы. Например, на заседании Секретариата ЦК ТНРП 18 ноября 1931 г. рассматривали следующий вопрос. Якобы, на монголо-тувинской границе создана контрреволюционная группа во главе с феодально-теократическими элементами (так называемые заговорщики насчитывали всего 16 хозяйств), которая ставит задачей срыв новых мероприятий партии и правительств ТНР и МНР. Руководители ведут агитацию среди населения, что в Монголии налог меньше, что колхозов там нет, что Монценкооп обеспечивает все население одинаково, религия свободно развивается, поэтому в Монголии хорошо, а в Туве плохо, итак, нужно присоединиться к Монголии (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 46, л. 223). Конечно, имела место идеализация положения в соседней стране. В МНР также притесняли религию, и там тоже царил товарный голод.

Заседание, в частности, постановило:

- поручить составить до 25 ноября 1931 г. проект о переселении «наиболее злостных феодалов в другие хошуны и изъятия руководителей контрреволюционной группировки;
- вменить в обязанность правлению Тувценкоопа (ТЦК) и хошунным комитетам партии при распределении товаров особое внимание обращать на те сомоны, которые прилегают к монгольской границе;
- наладить там, среди существующих колхозов, энергичную работу по организационно-материальному укреплению и привлечению к ним новых аратов;
- Обязать Министерство народного хозяйства и ТЦК сейчас же приступить к подготовке сельскохозяйственной кампании на 1932 г., особенно в сомонах, которые прилегают к монгольской границе;

- обязать Министерство по культурным делам срочно развернуть культурно-просветительскую работу, при этом особое внимание обратить на те сомоны, которые прилегают к монгольской границе (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 46, л. 224).

О самом восстании в Тере-Холе известно немного. Вооруженное выступление началось весной 1932 года. К тувинским повстанцам присоединились представители вооруженной оппозиции из Северо-Западной Монголии (История Тувы, 2007: 193). По мнению некоторых тувинских исследователей, восстания 1930 и 1932 гг. заставили власть принять действенные меры. Вероятно, по подозрению в тайной организации Хемчикского восстания, 25 апреля 1930 г. сотрудниками политической охраны арестован и через два года расстрелян М. Буян-Бадыргы (Байыр-оол, 2009: Электр. ресурс). Заседание Политбюро ЦК ТНРП 22 марта 1932 г. обсуждало вопрос «о контрреволюционных бандитско-грабительских участниках группы и злоупотреблении своим служебным положением, умышленно принимавших участие в Хемчикском восстании черно-желтых феодалов Буян-Бадыргы, Дондука, Шагдыра, Бойду» (цит. по: Ховалыг, 2007: 63–64). Было решено утвердить проект постановления УГВПО⁷, где предлагалось приговорить их за 41-й статьей Уголовного кодекса к расстрелу. Погибли, в частности, бывший глава Президиума Малого Хурала М. Нимажап и бывший генсек ЦК ТНРП О. Соднам.

Граница с МНР продолжала оставаться под строгим надзором тувинской власти. 10 мая 1932 г. полпред МНР в Туве Дугаржап, отвечая на запрос МИД Монголии, сообщал: «...Правительство и ЦК партии Тувинской Республики мне передали, что приехали три монгола в местность Турген Хутул или Турген-Нюр на юго-восточной границе для организации восстания. По этому поводу командированы туда секретарь ЦК партии Баир⁸ и другие. В случае перехода Монгольской Красной Армией границы Танну-Тува в борьбе с контрреволюционерами, Правительство Танну-Тува не будет возражать и будет поддерживать систематически связь с ней» (цит. по: История Тувы, 2007: 350). Но военного вмешательства МНР не понадобилось.

В мае 1932 г. была проведена операция по изъятию контрреволюционного элемента в пограничной (южной) полосе в связи с событиями в МНР (там началось большое восстание, которое длилось несколько месяцев). За время операции было раскрыто и ликвидировано шесть контрреволюционных группировок и организаций. Из них три имели явным образом повстанческий характер (по определению УГВПО ТНР). Часть задержан-

ных во время следствия показали, что сознательно вели контрреволюционную работу, направленную на ослабление партийной диктатуры (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 55, л. 31). Можно предположить, что все-таки главная вина большинства задержанных состояла в распространении массовой «провокационно-пораженческой» агитации. По словам чекистов, опаснейшим элементом было ламство, которое не разбито идейно и не уничтожено физически, представляя не меньше 7–8% общего состава населения, ушло из хуре в улусы и продолжает повседневно в скрытой форме вести свою контрреволюционную работу среди аратов. Раскрытие майской операции, якобы, показало, что основную организующую роль сыграло именно ламство как идейный вдохновитель этих организаций и группировок (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 55, л. 32).

7 июля 1932 г. тувинское правительство отправило в Кунгуртут кавалерийский эскадрон, к которому присоединилось свыше ста добровольцев. После боя с правительственными войсками в Сайгале повстанцы раскололись на две группы. Одна из них двинулась в сторону Тере-Холя, другая — в глубь Сайгала. Правительственные войска тоже разделились на два отряда для преследования бунтовщиков. В скором времени «терехольский» отряд нанес удар по преследуемым мятежникам. На поле битвы остались 78 погибших повстанцев, два пулемета, свыше ста винчестеров и кремневые ружья. Остальные повстанцы отступили на территорию Монголии (История Тувы, 2007: 194).

Начальник УГВПО О. Сенгиижик⁹ подготовил докладную записку для ЦК ТНРП и правительства (от 15 августа 1932 г.). Он фиксировал главные, по его мнению, события политической жизни Тувы последних двух лет. Это отстранение правого руководства и приход к власти представителей аратской диктатуры; применение методов коллективизации и практическое осуществление форм производственного кооперирования аратских хозяйств; разгром (физический) ламства; хошунное переселение феодальных элементов вплоть до конфискации их имущества; выселение за пределы республики русского контрреволюционного элемента и кулачества; ликвидация самоуправления РСТК. По его мнению, феодально-теократический элемент, лишенный политической жизни и ущемленный экономически, начинает оказывать упорное сопротивление, становясь на путь скрытой, а местами (Тере-Хольский сомон) открытой борьбы (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 55, л. 30). В отдаленных (особенно пограничных) сомонах остается мощным родовое влияние. При отсутствии достаточно количества работников по государственно-партийной линии основная

аратская масса политически «обслуживается» недостаточно. Низовой госаппарат, партийные и ревсомольские ячейки чаще всего бездействуют. Отдельные руководители и активисты плывут в массе общих нездоровых настроений или сами становятся на путь активных контрреволюционных действий, как это имело место в мае 1932 г. в Тере-Хольском сомоне, когда глава сомона и секретарь партиячейки демонстративно покинули совещание, где обсуждался вопрос о переселении «феодалов». В Качикском сомоне трое секретарей ячеек ТРСМ и некоторые партийные активисты в период напряженной обстановки открыто занимались распространением «провокационно-пораженческих» слухов (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 55, л. 31). По приведенным примерам мы видим, за что человек мог получить обвинение в контрреволюционных действиях.

О. Сенгиижик сообщал, что почти все араты Тере-Хольского и Качикского сомонов втянуты в контрреволюционное движение. Несмотря на то, что «бандитское движение» на 15 августа 1932 г. было преимущественно ликвидировано, из указанных сомонов отсутствуют еще около 80 человек. Упомянутому населению приписывались попытки связаться идейно и организационно с контрреволюционными и правыми элементами в МНР, организация эмиграционного движения в Монголию (что охватывает почти все сомоны южной пограничной полосы) и т.п. (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 55, л. 32). «Феодальные элементы» хоть и попали под переселение, но остаются неизолированными от аратской массы, соответственно влияя на нее.

Ряд мятежников, которые бежали после Хемчикского восстания, находились в Синьцзяне. Их тувинское общество, якобы, ожидало как национальных героев, которые должны спасти страну от существующей диктатуры. По данным УГВПО, указанные лица занимали в Синьцзянской провинции руководящие должности и вполне очевидно, что в будущем их планируют использовать для реализации своих целей в Туве (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 55, л. 33).

УГВПО утверждало, что бывшие князья, чиновники и ламы в последнее время ориентируются на правые и контрреволюционные элементы Монголии, особенно на «теократическую часть», которая, в свою очередь, поддерживает намерения панчен-ламы. Например, раскрытая в августе 1932 г. (седьмая по счету с начала года) контрреволюционная группировка в Тустаг сомоне (Улуг-Хемского хошуна) подтверждает ориентацию на правые и контрреволюционные элементы Монголии. В пограничных сомонах всей южной полосы ведется агитация за кочевку в Монголию. Не-

которые из участников ликвидированной группировки в Тустаг сомоне уже начали переправлять свое имущество в МНР, разворачивая соответствующую агитацию среди аратов. Дескать, несмотря на то, что некоторые из контрреволюционно настроенных лидеров бывшего правого руководства физически уничтожены, окончательно угроза еще не преодолена. Значительная часть чиновничества и духовенства остается пока нетронутой, имея широкие связи и влияние среди населения (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 55, л. 33).

4 октября 1933 г. начальник УГВПО отмечал: при проведении нового курса нужно учитывать новую линию МНР и особенно влияние ламства в пограничных районах. Так, бывало, что тувинские ламы переходили на монгольскую территорию и поклонялись монгольским ламам (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 60, л. 142). В конце того же месяца фиксировались случаи, когда за лицами, которые пересекли границу, ездили сами члены партии, не передавая дела в соответствующие органы власти. Мол, кражи имеют такой характер, когда крадут феодалы и ламы, чтобы нанести убыток государству. Они крадут организованно, с оружием, и пересекают границу с МНР (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 59, л. 21).

Как и Хемчикское восстание 1924 года, тувинские протесты первой половины 1930-х гг. были некоторым образом связаны с населением Западной Монголии. Привлекает внимание и тот факт, что восстания 1930 и 1932 гг. происходили одновременно с восстаниями в МНР и с похожими лозунгами, иногда сопровождаясь идентичными легендами, связанными с Панчен-ламой IX. Такие факты могут свидетельствовать о том, что часть тувинского народа видела свое будущее в объединении с западными монголами. Одним из путей реализации этих объединительных стремлений рассматривалась эмиграция в Монголию, которой всячески препятствовала тувинская власть. Последние архивные данные относительно широких протестных настроений тувинцев (в частности о случаях организованного перехода на территорию МНР), которые встречались автору, датированы 1933 годом. Но известно, что эмиграция жителей южных тувинских хошунов в МНР имела место и в следующие десятилетия. Так, в 1940–1950-х гг., когда началась повсеместная коллективизация, из Тоджи и Кунгуртуга в Хубсугульский аймак МНР перекочевало довольно много семей. На новом месте они присоединились к тому небольшому числу, которые проживали на этой территории (Монгуш, 2010: 224). За переписью 1947 г. в МНР насчитывалось 16000 тувинцев. Перепись 1956 г. в МНР количество тувинцев уже не указывала. По предположению выдающегося американ-

ского монголиста Р. Рупена, возможно, они оказались в графе «другие» — 20800 (2,5% населения) (Rupen, 1966: 67). Некоторые исследователи допускают, что между 1959 и 1970 гг. около 3000 «советских» тувинцев эмигрировало в МНР (Anderson, Silver, 1983: 476). По некоторым неофициальным данным, ныне в Монголии проживают около 20 тысяч тувинцев, из них тувиноязычных приблизительно — 8 тысяч (Монгуш, 2010: 211). Другие исследователи насчитывали 3000–14000 тувиноязычных на северо-западе Монголии и менее чем 2000 — на северо-западе Китая (Mawkanuli, 2001: 497).

Изучение истории протестного движения тувинцев в 1930-е гг. и эмиграционных процессов того периода требует, в частности, привлечения новых архивных источников для более полного и объективного освещения неоднозначных событий тех времен, которые представляют интерес и для современных исследователей.

Список литературы:

Байыр-оол, М. С. (2009) Сын своего времени [Электр. ресурс] // Новые исследования Тувы. Электронный информационный журнал. № 1–2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/ (дата обращения: 12.05.2012).

Байыр-оол, М. С. (2011) Опальный премьер [Электр. ресурс] // Новые исследования Тувы. Электронный информационный журнал. № 1. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_9/3027-bayur-ool.html (дата обращения: 12.05.2012).

История Тувы (2007) Новосибирск : Наука. Т. II.

Кужугет, А. К. (2006) Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. Кемерово : Изд-во КемГУКИ.

Монгуш, М. В. (2010) Один народ — три судьбы : Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака : Национальный Музей Этнологии.

Саая, С. В., Сат, С. Ч. (2006) Геополитический статус Тувы в первой половине XX века (1911–1944 годы). Абакан : Хакасское кн. изд-во.

Ховалыг, С. (2007) Личность в истории: Монгуш Буян-Бадыргы (1892–1932) // Вестник Евразии. № 2 (36). С. 42–71.

Anderson, Barbara A., Silver, Brian D. (1983) Estimating Russification of Ethnic Identity Among Non-Russians in the USSR // Demography. Vol. 20. No. 4. P. 461–489.

Mawkanuli, Talant (2001). The Jungar Tuvas: language and national identity in the PRC // Central Asian Survey. Vol. 20. No. 4. P. 497–517.

Rupen, Robert A. (1966) The Mongolian People's Republic. Stanford: Hoover Institution on War, Revolution, and Peace, Stanford University.

Примечания:

¹ Тувинские исследователи датой начала этого восстания называют 17 марта 1930 г. (История Тувы, 2007: 192).

² Скорее за все, имеется в виду Ойратская АО, созданная 1 июня 1922 г. В ее состав вошли 20 волостей бывшего Горно-Алтайского уезда Алтайской губернии и 4 волости Бийского уезда Алтайской губернии. 2 марта 1932 г. Ойратская АО была переименована в Ойротскую автономную область, а 7 января 1948 г. — в Горно-Алтайскую автономную область.

³ ГВО — Государственная внутренняя охрана МНР.

⁴ Называется и цифра — 16 человек (История Тувы, 2007: 193).

⁵ Панчен-лама IX Тхуптэн Чокьи Ньима — тибетский буддийский иерарх (второй после Далай-ламы), который к тому времени находился на территории Внутренней Монголии, сотрудничал с китайским правительством и старался примирить монгольскую элиту с Китаем.

⁶ В восстании 1930 г. принимали участие и участники Хемчикского восстания 1924 г., объясняя свой поступок тем, что их лишили избирательных прав (Саая, Сат, 2006: 242).

⁷ УГВПО — Управление государственной внутренней политической охраны.

⁸ По словам М. Байыр-оола, А. Баиру, направленному в Тере-Хольский район для ликвидации контрреволюционного мятежа, удалось убедить жителей Тес, Эрзина и Качык не принимать участия в противоправных действиях. В том же году он побывал у оленеводов, живущих в отдаленных уголках Тоджинской тайги, которые под влиянием мятежников Кунгуртуга собрались выехать на территорию Внешней Монголии. Благодаря его уговорам, много оленеводов осталось жить на земле предков (Байыр-оол, 2011: Электр. ресурс).

⁹ Сенгиижик О. — с 1928 г. начальник УГВПО; до ареста и расстрела в 1938 г. — заместитель государственного прокурора Тувы.

ABOUT THE HISTORY OF PROTEST MOVEMENT IN PEOPLES REPUBLIC OF TUVA IN THE FIRST HALF OF 1930's

I. V. Otroschenko

Abstract: Article is devoted to antigovernmental appearances that occurred in the Peoples Republic of Tuva in first half 1930's. Reasons for these protests were: collectivization, property confiscation, disfranchisement of certain layers of population, high taxes, a lack of goods, persecutions on Buddhist clergy and shamans, infringement of traditions etc.

Keywords: Peoples Republic of Tuva, Western Mongolia, antigovernmental appearances, emigration.